

Февраль. Достать чернил и плакать...

Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,

Пока грохочущая слякоть

Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,

Чрез благовест, чрез клик колес,

Перенестись туда, где ливень

Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,

С деревьев тысячи грачей

Сорвутся в лужи и обрушат

Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,

И ветер криками изрыт,

И чем случайней, тем вернее

Слагаются стихи навзрыд.

(1912)

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!
От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.
Но старость это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.
Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

Страшная сказка

Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.
Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.
Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.
Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться. (1941 г.)

Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске,
Что случится на моём веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

«Нобелевская премия»

Я пропал, как зверь в загоне,
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу хода нет.
Тёмный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, всё равно.

Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.
Но и так, почти у гроба,
Верю я, придёт пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра. (1959 г.)

- Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
- До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.
- Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать,
любить,
Свершать открытья.
- О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.
- О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.
- Я вывел бы ее закон,
Ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы.
- Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.
- В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.
- Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ,
могил
В свои этюды.
- Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука.

«Зимняя ночь»

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.

Свеча горела на столе.
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.

Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени.
Скрещенья рук, скрещенья ног,

Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.

И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле
Седой и белой.

Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна

Вздыхал, как ангел. Два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело

Свеча горела на столе
Свеча горела.

Июль

- По дому бродит привиденье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой.
- Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате крадется к кровати,
Срывает скатерть со стола.
- Ног у порога не обтерши,
Вбегает в вихре сквозняка
И с занавеской, как с
танцоршей,
Взвивается до потолка.
- Кто этот баловник-невежа
И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник-отпускник.
- На весь его недолгий роздых
Мы целый дом ему сдаем.
Июль с грозой, июльский
воздух
Снял комнаты у нас внаем.
- Июль, таскающий в одежде
Пух одуванчиков, лопух,
Июль, домой сквозь окна
вхожий,
Всё громко говорящий вслух.
- Степной нечесаный растрепа,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.

Любить иных — тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.
Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух,
бескорыстен.
Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Все это — небольшая хитрость.

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день
                  в сквозном проеме
Незадернутых гардин.
Только белых мокрых
комьев
Быстрый промельк маховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.
И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

И опять кольнут доныне
Не отпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.
Но нежданно по портьере
Пробежит вторженья
дрожь,-
Тишину шагами мера.
Ты, как будущность,
войдешь.
Ты появишься из двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то, впрямь из тех
материй,
Из которых хлопья шьют.